

Наталия Черных

Полевая микрохирургия Семёна Пегова

Когда автор владеет несколькими жанрами и, более того, активно с ними работает, очень сложно говорить о произведениях, написанных в одном из жанров, отдельно. Но поэта видно сразу, с первого стихотворения. Публикации и издания (которых пока не так много) тому подтверждение.

Эссеистика Семёна Пегова влияет на его стихи, и наоборот, а жанр репортажа влияет и на стихи, и на эссеистику. Это как несколько сообщающихся сосудов. Причём устройство с этими сосудами находится в постоянном движении. Ни секунды на месте, а иначе — несдобровать.

Однако Семён Пегов, который открывается в стихотворениях, не похож на Семёна Пегова репортажей и только отчасти напоминает Семёна Пегова — автора ярких и жгучих эссе.

Стихи его, несмотря на почти критическую плотность и снятые для облегчения движения стихотворных тропов знаки препинания, почти медитативные. Это скорее военные элегии, чем боевые песни. «Густой амбир ясиноватства», «православный мох», например. Или «мухи-старухи прядут фронтную пряжу». Название «Боевые листки» очень точно подходит к этим стихам. В поэзии автор выбирает позицию свидетеля, даже философствующего свидетеля, причём одного из многих. Это напряжение между включённостью в то, что описывает, и наблюдением и создаёт, на мой глаз, нерв Семёна Пегова — поэта. Он не наблюдатель, а часовой. Он не лидер, но заметное действующее лицо. Он, как свидетель, записывает и оформляет увиденное.

Можно было бы поиграть с контекстом: какой именно поэт повлиял на творчество Семёна Пегова, кого из поэтов он сам больше других любит, или же таковых очень много. Но всё это необязательные моменты, который хороши при академическом исследовании, но в контексте настоящего эссе будут только мешать. В случае этих, бесспорно, уникальных стихотворений мне важнее впечатления читателя. А они неожиданные.

Стихи Семёна Пегова я знаю не так давно. Подбор в «45-й параллели» дал только общие черты, но в нём немного стихотворений, хотя они и хороши. И только когда я подписалась на канал Семёна

Пегова в «Дзене», я смогла прочитать то, что мне не дал подбор «45-й параллели».

Прежде всего, меня поразила сложность этих стихов. Так мог писать только автор, отлично знающий новейшую поэзию, с её тягой к концептуализму, и — шире — к московской его школе, и далее — к любимым мною лианозовцам. Но лично у меня возникла совсем другая ассоциация, которую можно подтвердить построчно, но это снова малоинтересное занятие. Важнее акустика — момент узнавания и радости, который есть при чтении стихов Семёна Пегова искушённым в современной поэзии читателем.

Это стихи раннего Станислава Красовицкого, одного из архитекторов нового московского поэтического пространства. Это тот ядерный гриб поэзии, который Бог мудро, руками автора, направил вперёд во время, чтобы его энергия шла как можно мощнее и дольше. Не собираюсь утверждать, что стихи Семёна Пегова лучше ранних стихотворений Станислава Красовицкого, но сходство, как мне видится, в основном: в сложнейшей работе, в микрохирургии стиха. Тревожные пейзажи послевоенной Москвы, созданные Красовицким, находят продолжение в военных пейзажах Семёна Пегова.

Вот Красовицкий из онтологической «Голубой лагуны»:

Взгляд назад в интроспекции уже там где небо собой становясь словно цепь телеграфную в лужи окунает сардинную связь, то что утро есть сон невидимка, то что вечер уже наступал и последняя грампластинка раскрылась в груди одеял.

Караульные виденный след занесли в Е-гостопный журнал и устало промолвил сосед что сегодня его не видал. то что утро в окошке не светит то что слепы и старый и мал и в каком-то далёком извете остаётся начало начал.

пей из блюдца последняя кошка
над последнюю гранью в низергт
словно чудная дивная ножка
над тобою покружится смерть.

Вот Пегов из «Боевых листков»:

4.

птички жужжат дефицит БК дребезжит капель
по окопам гуляют ветер и вражеская шрапнель
мы стоим в обороне пока кто-то беду куёт—
с нами «мосинки» «калаши» даня матрос койот
на соседней позиции немцы наводят «польку»
сквернословием полощу свою ротовую полость
ведь сколько между людьми запятых ни ставь
всё равно мы не будем упорно блюсти устав
мрачен не сам бой—для кого-то его исход
засыпают бесы масоны иуда искариот
засыпают полтава тернополь волинь карпаты
остаётся лишь тот кто не ждёт от небес зарплаты
остаётся лишь тот кто на них из окопа пялится
этой весны постоянные постояльцы

Красовицкий показал умирание на грани куража—мир, чей лик станет абсурдным, если снять маску условности. Война на грани фарса—одна из тем военной лирики Семёна Пегова. В «Густом ампире ясиноватства» есть даже нечто вионновское. Стихи эти таковы, что простые картонные фразы, которыми удобно прикрывать боль и потери, просто размокают от нездешнего снега и дождя, который идёт в этих стихотворениях. В этих стихах есть и фарс, и кураж, и юмор висельника (или солдата). Но, как и у раннего Красовицкого, нет сильной инерции. Насыщенность тропов, которые сменяют один другой, как капли дождя, очень высокая, и это порождает уникальную динамику

этих стихотворений. Да ещё при снятых знаках препинания, которые пропали не то в спешке при записи, не то просто стёрлись.

Инкриминировать автору то, что он знает приёмы московского концептуализма, набравшие популярность в нулевые и никого не удивляющие в десятые, было бы странно. Это в буквальном смысле подземные стихи, из подземки—из андеграунда, как и у Красовицкого. Из суровой тайной глубины бытия, где течёт мёртвая и живая вода, да простится мне такая метафора. Холодная иногда льёт с неба. Иногда её приносят в бутылках. А вот горячую нужно ждать. Неделями. И потому, глядя на текучий гибельной текучестью «Густой ампир ясиноватства»,—«обезвоженный стоишь».

Хтоники «мух-старух», прядущих «фронтную пряжу», скорее завораживает, чем пугает, как всё несущее смерть. Одно видение сменяет другое, их тысячи, они роятся, как насекомые, уплотняются, застывают, как на булавках, поэтическими тропами, но за ними идёт плотный шлейф крови и земли, сырой и почти приятный военный запах, пока ноздри не забудет извещать.

Новый Одиссей передвигается по стране теней, которая вскоре должна увидеть свет. Но до света ещё далеко.

Христианство в стихотворениях Семёна Пегова прежде всего—Пасха Крестная, время бичевания, поругания и распятия. И потому Господь у поэта «простой и нищий». Но Он «переключает регистр». И только Он. К приговорённому к смерти приходил священник, ради последнего и откровенного разговора с Богом. У воина перед каждым боем тайно, и многие это осознают, совершается подобный разговор. Поэзия Семёна Пегова—и о таком, последнем и откровенном, разговоре.